

НЕГАТИВНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И ОБЫДЕННОЕ ПРАВОСОЗНАНИЕ: ГРАНИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ

Аннотация: Предметом исследования в настоящей статье выступают грани соприкосновения юридической ответственности (за правонарушение, негативной) и обыденного (народного) правосознания. Объектом исследования выступают социально-правовое явление "юридическая ответственность" и обыденное правосознание. Эти феномены рассматриваются с точки зрения их взаимосвязи и взаимодействия. Анализируется также сущность и составные части юридической ответственности, каждая из этих частей исследуется на предмет взаимосвязи с обыденным правосознанием, обусловленности обыденным правосознанием. В частности, имеются ввиду понятие ответственности, основания ответственности как социально-правового явления и специальные внутрисистемные характеристики ответственности – принципы, функции, цели, виды и мера. В данной статье используется традиционная научная методология юриспруденции – методы анализа, синтеза, сравнения, обобщения, абстрагирования, экстраполяции, а также частнонаучные методы – формально-юридический, метод толкования права, сравнительно-правовой метод и т.п. Новизной исследования выступает сопоставление таких феноменов, как обыденное правосознание и юридическая ответственность. Несмотря на то, что на первый взгляд они практически не имеют точек соприкосновения, авторами выявлено несколько аспектов, в которых указанные феномены активно взаимодействуют и обуславливают друг друга. В частности, своеобразие обыденного правосознания того или иного общества определяет характер, содержание и пределы юридической ответственности, в противном случае этот инструмент правового регулирования будет недееспособным. В обыденном правосознании коренятся социальные основания ответственности, на него опираются философские основания ответственности, соответствие обыденному правосознанию обуславливает эффективность юридической ответственности в реализации её функций и достижении целей. Мера ответственности должна коррелировать обыденному правосознанию общества, в противном случае эффект от ответственности может оказаться прямо противоположным задуманному государственной властью.

Ключевые слова: Правосознание, обыденное правосознание, ответственность, правонарушение, основания ответственности, мера ответственности, правовое воспитание, эффективность права, правовой нигилизм, правоотношение.

Abstract: The subject of this article is the points of juxtaposition between the legal responsibility (for legal infraction, negative) and ordinary (public) legal consciousness. The object of this research is the social legal phenomenon of "legal responsibility" and ordinary legal consciousness. The aforementioned phenomena are examined from the perspective of their correlation and interaction. The authors also analyze the essence and composition of the legal responsibility; each of these parts is subjected to examination regarding its interconnection with the ordinary legal consciousness or substantiation by the ordinary legal consciousness. In particular, it implies the notion of responsibility; bases of responsibility as the social legal phenomenon; special internal characteristics of responsibility, such as principles, functions, goals, types, and measure. The scientific novelty consists in comparison of the phenomena of the ordinary legal consciousness and legal responsibility. Despite the fact that at first glance the practically do not have any points of intersection, the authors determine several aspects, which demonstrate that the indicated phenomena actively interact and substantiate each other. The distinctness of the ordinary legal consciousness of one or another society defines the character, content and limits of legal responsibility; otherwise, this mechanism of legal regulation will be incompetent. The ordinary legal consciousness contains the social and philosophical grounds of responsibility; the correspondence to the ordinary legal consciousness justifies the efficiency of legal responsibility in application of its functions, as well as achievement of the goals. The measure of responsibility must correlate with the ordinary legal consciousness of society; in other case, the effect of responsibility can turn out to be directly opposite to that planned by the government authority.

Keywords: Responsibility, Legal infraction, Grounds of responsibility, Measure of responsibility, Legal education, Efficiency of law, Legal nihilism, Legal relation, Ordinary legal consciousness, Legal consciousness.

На первый взгляд вынесенные в заголовок настоящей статьи правовые явления находятся в совершенно разных плоскостях правовой действительности. Юридическая ответственность – это мера государственного принуждения, назначаемая за совершение правонарушения и состоящая в лишениях или ограничениях личного, материального или организационного характера, в пределах, установленных законом, применяемых к правонарушителю. Такая трактовка феномена юридической ответственности может быть признана инструментальной, поскольку показывает её суть как средства, инструмента воздействия на социальную реальность. В этом смысле ответственность выступает как явление публичного права, носящее государственно властный, правоприменительный и правоохранительный характер.

Обыденное правосознание в литературе трактуется как правосознание, свойственное основной массе членов общества, формирующееся на основе повседневной жизни граждан в сфере правового регулирования и характеризующийся знанием общих принципов права, где правовые воззрения тесно переплетаются с нравственными представлениями [1]. «Обыденное (массовое, эмпирическое) правосознание присуще людям, которые сталкиваются с юридической стороной жизни общества лишь эпизодически и не имеют специального юридического образования. Обыденные представления о праве ограничены, отличаются хаотичностью и разрозненностью. Формируется данный уровень под влиянием личного жизненного опыта. В нем преобладают психологические (эмоциональные) элементы» [2]. В целом общепринятая позиция юридической науки по поводу обыденного правосознания, представленная на сегодняшний день в учебной литературе, сводится к двум приведенным мнениям: это наиболее низкий уровень правосознания, характеризующийся житейскими представлениями о праве и правовой сфере общественной жизни, отсутствием профессиональных знаний о праве, эмоциональностью, иррациональностью, отчасти – примитивностью. Даже само слово «обыденный» трактуется как ничем не примечательный, обыкновенный, невыдающийся и т.д. В соответствии с Толковым словарем русского языка С.И. Ожегова «обыденный» – «обыкновенный, заурядный»; «обыденщина – «всё обыкновенное, заурядное, косное, лишённое общественных интересов» [3].

С обозначенных позиций обыденное правосознание и юридическая ответственность за правонарушение выступают правовыми явлениями, не имеющими общих точек соприкосновения. Обыденное представление представляет собой особый сегмент общественного сознания, основанный на житейских

представлениях о праве, здравом смысле, конкретном правовом эмпирическом опыте, юридическая ответственность – это вид государственного принуждения, регламентированный нормами позитивного права, как материальными, так и процессуальными, применяемый компетентными органами за совершение правонарушения. Однако, если рассмотреть искомые феномены несколько с иной точки зрения, то вопрос о их взаимодействии можно поставить с гораздо большей вероятностью положительного ответа.

Обратимся, прежде всего, к юридической ответственности за правонарушение. Её можно рассмотреть не только с точки зрения инструментального подхода, но и в широком смысле, как явление социальной и юридической действительности. С этих позиций **юридическая ответственность** представляет собой *социально-правовое явление, обеспечивающее функционирование правовой системы общества, опосредованное нормами позитивного права, создающимися в ходе оценки общественных отношений как социально значимых благ, закрепляющими основания и пределы применения мер государственного принуждения в отношении лиц, совершивших правонарушение, или мер поощрения (льгот, стимулов и др.) в отношении лиц, совершивших юридически значимые акты социально активного поведения, реализуемыми в процессе правоприменительной деятельности правомочных или специально уполномоченных государственных органов и должностных лиц, и предполагающими воздействие на волю и сознание людей с целью изменения их поведения для приведения его в соответствие с ожиданиями общества и государства.*

В связи с такой трактовкой ответственности в ней можно выделить ряд аспектов, имеющих отношение к правовому сознанию: 1) нормы, устанавливающие ответственность, создаются в ходе оценки общественных отношений как социально значимых благ; 2) правосубъектность, и в частности, деликтоспособность (складывающаяся из возраста как показателя определенной психофизиологической зрелости и состояния психического здоровья), лица, привлекаемого к ответственности, презюмируется; 3) правонарушение как основание юридической ответственности, помимо надлежащего субъекта, предполагает ещё и наличие особого психического отношения лица к содеянному – вины в той или иной форме, образуемой сочетанием интеллектуального, волевого и эмоционального элементов; 4) ответственность в виде конкретных её мер предполагает, прежде всего, воздействие на сознание и волю субъекта права с целью изменения, в конечном счете, поведения лица для приведение его в соответствие с ожиданиями общества;

5) наличие самих ожиданий общества и государства по отношению к субъекту права и, соответственно, определенной меры поведения, фиксирующей результаты оценки общественных отношений (пункт 1) как социально значимых благ, в соответствии с которой должно строиться поведение субъекта права, дабы оправдать ожидания общества и государства.

Таким образом, юридическая ответственность за правонарушение – это не просто юридический инструмент, комплексное правовое средство воздействия на поведение людей, а это феномен сознательно-волевой сферы, затрагивающий психологические процессы широких слоёв населения и сдерживающий в себе, своего рода, слепок с социальной реальности, отражение этой реальности в правовом сознании общества. В этом видится первый аспект соприкосновения юридической ответственности и обыденного правосознания. Уточним: обыденное правосознание характерно для самых широких слоёв общества, оно показывает, как это общество воспринимает правовые явления и процессы, как к ним относится, в том числе и к юридической ответственности, при этом последняя имеет одной из своих целей воздействие на сознание членов общества и общества в целом в части упорядочения поведения, предупреждения правонарушений, дабы это поведение соответствовало желаемым моделям. Чем адекватнее будет мера ответственности, тем эффективнее будет её превентивное воздействие. Адекватность предполагает обязательный учет при формировании юридической ответственности состояния обыденного правосознания населения страны, протекающих в этом сознании процессов, имеющих место быть тенденций, направлений эволюции.

Другой аспект соприкосновения юридической ответственности за правонарушение и обыденного правосознания можно выявить при рассмотрении социальных и философских оснований этой ответственности. В этой части необходимо первоначально разобраться со спецификой понятия правосознания в общем, и выяснить наиболее логичную его трактовку. «Совокупность наиболее характерных, типичных образцов правовой действительности, – отмечает А.В. Поляков, – образует систему общественного правосознания, или систему правосознания общества» [4]. Н.Н. Вопленко утверждает, что «правосознание есть форма идейно-психологического отражения и освоения правовой действительности через систему нормативно-оценочных представлений и суждений людей о природе и закономерностях правовых явлений» [5]. О.Г. Щедрин определяет правосознание как «состояние психической жизни индивида, являющегося частью общества, выражающееся в субъективной

переживаемости правовых явлений, происходящих как во всем обществе, так и с индивидом лично, и их оценке» [6]. А.В. Серёгин отмечает, что «под правосознанием необходимо понимать совокупность взглядов, представлений, чувств, знаний и переживаний, мотивирующих правомерное поведение граждан и отражающих их отношение к действующему или желаемому праву» [7]. Т.И. Демченко предлагается представление о правовом сознании «как феноменальном и идеальном явлении государственно-правовой жизни, как духовно-нравственном, социально-психическом, формально-юридическом и собственно-правовом образовании, призванном постигать сверхвременную и конкретно-историческую истину государственно-правовой жизни и творить государственно-правовое бытие» [8].

В.П. Малахов в двух тезисах формулирует собственное видение правосознания, указывая, что «правосознание – не просто способность отражения права (права вообще), а определённое осознание человеком себя как правового существа, основанности (опорности) его права на нём самом» [9]. Р.К. Русинов отмечает, что «правосознание – это совокупность представлений и чувств, выражающих отношение людей к праву и правовым явлениям общественной жизни, осознание правовой действительности. Восприятие её в мыслительных и чувственных образах» [1]. Наконец, развернутую характеристику правовому сознанию дает А.А. Воротников: «Правосознание – это система взглядов, убеждений, представлений, оценок, настроений и чувств общества, определяемая материальными условиями жизни; эти взгляды, убеждения, представления, оценки, настроения направлены на установление определенного правового режима в обществе, отвечающего нормальному функционированию данной политической системы; правовой режим общества моделируется правовым сознанием в категориях юридических прав, обязанностей, требований и предписаний, исходящих от государственной власти и обеспечиваемых специфическими государственными средствами» [2].

Как можно увидеть на основании этого далеко не полного перечня подходов к понятию правосознания, это не просто отражение в сознании людей права, правовых явлений и процессов и отношение к правовым явлениям и процессам, а это достаточно сложное социально-правовое явление, которое необходимо определять максимально синтетически и в соответствии с двуединой природой. Поскольку единственным реальным социальным феноменом в правовой сфере выступают общественные отношения, требующие правового опосредования и в принципе способные

подвергаться внешнему воздействию, составляющие предмет правового регулирования, постольку именно они могут быть отражены в сознательной сфере. Исходя из данного обстоятельства под правосознанием необходимо понимать восприятие общественным и индивидуальным сознанием социальных отношений, составляющих предмет правового регулирования, построение на основе этого восприятия идеальных представлений о правовых явлениях и процессах, а также оценка действующего в государстве права на предмет его соответствия этим представлениям. Иными словами, правосознание как особая составная часть общественного сознания включает гносеологический (познание предмета правового регулирования), аксиологический (идеальная модель права) и праксеологический (оценка действующего права на предмет соответствия правовым идеалам и, как следствие, формирование отношения к этому праву) аспекты. По большому счёту, названные три аспекта характерны как для обыденного, так и для профессионального и доктринального правосознания, но, в силу массовости, именно обыденное правосознание определяет общий «дух» правосознания того или иного общества в определенный момент времени.

Адресатами норм, устанавливающих юридическую ответственность, также выступают весьма широкие слои населения, которым присуща именно обыденная форма правосознания. В силу этого, рассуждая об основаниях юридической ответственности, необходимо исходить именно из господствующих в основной массе населения установок. Как раз в таком ключе сформулированы философские основания юридической ответственности за правонарушение, которыми можно считать следующие, достаточно общепризнанные установки: 1) признание права общества на применение мер принудительного воздействия по отношению к тем его членам, которые своим поведением причиняют вред общественным или личным интересам, или создают угрозу причинения такого вреда; 2) признание представления о государстве как о единственном представителе и выразителе всего общества в целом; 3) признание свободы воли человека и, как следствие, возможности выбора между общественно неопасным и общественно опасным вариантами поведения. Доминирование такого рода установок в обыденном правосознании в тот или иной исторический момент обеспечивает легитимацию юридической ответственности за правонарушение. Главной задачей философских (метафизических) оснований юридической ответственности за правонарушение выступает оправдание этой ответственности в глазах населения, а значит – адекватность

этой ответственности обыденному правосознанию конкретного общества.

Подобный же принцип имеет место быть при взаимодействии с обыденным правосознанием социальных оснований юридической ответственности за правонарушение. Под *социальными основаниями юридической ответственности*, на наш взгляд, необходимо понимать систему противоречий в обществе между потребностью в защите и воспроизводстве социально ценных благ, с одной стороны, и антиобщественным поведением, представляющим опасность для этих благ – с другой, для снятия и разрешения которых требуется установление юридической ответственности. Система социальных потребностей, составляющих суть общественного интереса в защите вполне определенных благ, выступает одним из основных продуктов именно обыденного правосознания, поскольку таковым характеризуется большинство членов общества, народ. При адекватной оценке состояния обыденного правосознания будет верно воспринята и защищена в законодательстве та система социально ценных благ и общественных отношений, в особой юридической защите которых заинтересовано общество, и посягательство на которые возможно в тот или иной конкретно взятый исторический период. В противном случае будет отсутствовать социальная обусловленность деликтных отраслей законодательства, как следствие, в обществе упадет уровень доверия к правоохранительной системе и государству в целом, и часть общества в случае возникновения конфликтных отношений предпочтет обратиться в разного рода внесударственные структуры, в т.ч. криминального характера, как это имело место быть в России 90-х годов прошлого века.

Таким образом, очень важно при формировании содержания оснований юридической ответственности за правонарушение как социально-правового явления опираться на результаты исследований состояния обыденного правосознания в данный момент времени, его структуры и динамики. Эти исследования должны носить социально-правовой, в частности – криминологический и деликтологический характер, предполагать поиск респондентов среди широких слоёв населения, преимущественно не имеющих отношения к юридической профессии и юридической деятельности, поскольку именно они составляют подавляющее большинство населения той или иной страны.

Необходимо сделать небольшое отступление в части толкования самого термина «обыденное правосознание», которого мы уже касались в начале статьи. Выявленные взаимосвязи этого правосознания с одним только феноменом ответственности за правона-

рушение должны предостеречь от унижительного восприятия явления, стоящего за этим термином. Дело в том, что само наименование «обыденное правосознание» вытекает из его противопоставления «более высоким» уровням правосознания – профессиональному и доктринальному, – как самой несовершенной формы правосознания и самого низкого его уровня. Несмотря на то, что некоторые авторы приводят убедительные доводы в пользу того, что в 90-е, например, годы в России именно благодаря тому, что правосознание широких слоёв населения оказалось намного выше по уровню, чем правосознание «элиты», в т.ч. юридической, и по этой причине не настало состояние анархии, войны всех против всех, и страна не развалилась на множество мелких «феодалных сеньорий» [10], такого рода подход продолжает сохраняться и в современной юридической учебной и научной литературе. Думается, что эта точка зрения хотя и является естественным порождением континентальной правовой традиции, применительно к российской правовой традиции является в корне неверной.

Намного адекватнее представляется подход почвенников, сформулированный Ф.М. Достоевским в «Дневнике писателя», согласно которому интеллигенции нужно не учить народ, а самой стать ученицей народа, поскольку простой мужик по уровню своего правосознания, юридической разумности стоит на порядок выше, нежели университетский профессор права [11]. Надо сказать, что эта точка зрения не потеряла своей актуальности и в наши дни. В связи с этим намного более приемлемым, чем термин «обыденное правосознание» есть основания считать термин «народное правосознание», поскольку в последнем случае отсутствует унижительность и унижительность первого. Когда же мы воспримем конструкцию «народное правосознание», то в силу ч. 1 ст. 3 Конституции РФ этот феномен займёт надлежащее место в системе познаваемых юридической наукой явлений.

Наконец, необходимо вести речь о третьем аспекте соприкосновения обыденного правосознания и юридической ответственности за правонарушение на уровне специальных вопросов теории юридической ответственности. К специальным вопросам этой частной юридической теории относятся принципы, цели, функции юридической ответственности, классификации и виды юридической ответственности, мера юридической ответственности, т.е. общесистемные характеристики юридической ответственности, а также проблемы квалификации и назначения наказания. На этом уровне наиболее сложно соотнести юридическую ответственность с обыденным правосознанием, поскольку речь идет о собственно позитивно-право-

вых характеристиках, не имеющих видимой взаимосвязи с сознательно-волевой деятельностью широких масс населения, т.е. с народным правосознанием.

Однако, если мы обратимся к конкретным специальным вопросам, то увидим, что даже на уровне принципов юридической ответственности наблюдается несколько иная, чем на первый взгляд, картина соприкосновения с обыденным правосознанием. Так, принцип правовой экономии [12] в форме специального для юридической ответственности принципа экономии мер государственно-правовой репрессии показывает, что излишнее употребление юридической ответственности, не адекватное социальным потребностям, вытекающим, в особенности, именно из обыденного правосознания, не отвечает сущности и назначению юридической ответственности за правонарушение. Принцип дифференциации и индивидуализации юридической ответственности выступает важнейшим правовым инструментом юридического выражения социальных оснований этой ответственности, в силу чего опирается, в том числе, и на обыденные, народные представления о том, за что и в каких размерах должна быть установлена юридическая ответственность. Принципы неотвратимости ответственности и ответственности только за виновно совершенное деяние в случае их последовательной и полной реализации корреспондируют обыденному правосознанию, отвечают ожиданиям его носителей.

Аналогичным образом можно проследить взаимосвязь обыденного правосознания с целями и с функциями юридической ответственности. При этом особое место занимает цель восстановления социальной справедливости, нарушенной совершением правонарушения, поскольку в силу сущности такого феномена, как социальная справедливость, она будет теснейшим образом связана с обыденным правосознанием, обуславливаться обыденным правосознанием, а достижение/не достижение этой цели – восприниматься обыденным правосознанием и оцениваться в части влияния на отношение народа к правоохранительной системе государства и государственно-правовым институтам в целом. Обстоятельно понятие социальной справедливости и взаимосвязь этого понятия с ответственностью (уголовной) раскрывается В.В. Мальцевым, по мнению которого на первичном уровне социальная справедливость выступает как исторически обусловленная универсальная система идей и взглядов на социальные (экономические, политические, правовые и т.п.) явления и поведение человека в обществе, оценки таких явлений и поступков людей сквозь призму общественных интересов как справедливых и несправедливых, именно на данном

уровне право находит свою опору в социальной справедливости [13]. Уже из этого понимания социальной справедливости как системы взглядов на социальные явления и поведение человека вытекает её обусловленность прежде всего обыденным правосознанием, правосознанием широких слоёв населения. Провозглашение в качестве одной из целей применения юридической ответственности восстановления социальной справедливости свидетельствует о том, что установлению и применению юридической ответственности должно предшествовать уяснение понимания социальной справедливости обществом на данном этапе.

Кроме того, В.В. Мальцев показывает взаимосвязь уголовной ответственности (уголовного права как её юридического выражения) со сферами общественного сознания. «Уголовное право основывается на социальной справедливости потому, что общественные отношения, составляющие предмет уголовно-правовой охраны, прежде чем быть признанными таковыми, обычно уже оказываются включенными в систему ценностей социальной справедливости, в систему нравственных ценностей, а их нарушения уже расценены в обществе как деяния, глубоко несправедливые и безнравственные. И чем точнее содержание предмета уголовно-правовой охраны и круг признаваемых преступными деяний соответствует содержанию этих сфер общественного сознания, тем надежнее и крепче основы социальной справедливости и нравственный фундамент уголовного права, тем эффективнее оно защищает устои справедливости и нравственности в обществе» [13]. Как видим, ученый открыто подчеркивает обусловленность уголовной ответственности общесоциальными представлениями о социальной справедливости, т.е. состоянием обыденного правосознания. Эта обусловленность очевидна, поскольку применение наказаний, предусмотренных уголовным законом за наиболее опасные виды антиобщественного поведения – преступления, требуют соразмерности общественным ожиданиям и общественному видению опасности преступления и суровости наказания, за него назначенного. Касательно других видов ответственности потребность в учете обыденных представлений не настолько очевидна, но не в меньшей степени необходима, кроме того, существует потребность в таком учете и при межотраслевом размежевании видов правонарушений. Таким образом, наиболее яркой гранью соприкосновения юридической ответственности за правонарушение и обыденного правосознания на уровне специальных вопросов теории юридической ответственности выступает такая цель как восстановление социальной справедливости.

Общая и специальная превенция, а также исправление правонарушителя как цели юридической ответственности в части конкретных мероприятий по их достижению не могут игнорировать особенностей обыденного правосознания, поскольку в противном случае окажутся практически недостижимыми в условиях конкретного исторического этапа. Сказанное имеет отношение и к функциям юридической ответственности, поскольку это направления регулятивного воздействия по достижению целей ответственности.

Наконец, необходимо сказать о грани соприкосновения обыденного правосознания с мерой юридической ответственности. Один из ведущих факторов влияния на меру юридической ответственности – соразмерность вида и размера наказания обстоятельствам совершенного деяния и особенностям личности правонарушителя также имеет определенную зависимость от широких народных представлений о правом и неправом, должном и недолжном и т.п. Суть этой зависимости заключается в том, что нежелательно допускать явного несоответствия между назначенной мерой юридической ответственности и представлениями населения о том, какой она должна быть. Безусловно, правоприменитель связан правовыми нормами, и не должен идти на поводу у «толпы», этого мы не можем отрицать. Но речь идет здесь не о т.н. толпе, а речь идет об определенном социальном состоянии, об общесоциальных представлениях о тяжести совершенного деяния, об ущербе, который наносится отдельным людям и обществу в целом. В случае же неадекватности назначенного и затем реально отбытого наказания этим представлениям может быть поставлено под угрозу позитивное восприятие правоохранительной системы государства в целом, развиваться юридический нигилизм, вырасти рецидивная преступность [14]. По большому счету что-то подобное можно наблюдать в современных условиях российского общества и государства. Характерным примером здесь будет выступать не так давно рассмотренное уголовное дело компании «Оборонсервис», результатом которого стал фактический уход от ответственности бывшего министра обороны РФ А. Сердюкова, который проходил по делу в статусе свидетеля, а также минимальный срок лишения свободы главного обвиняемого – Е. Васильевой, в зачет которого, к тому же, было принято её нахождение под стражей, в силу чего реальное отбывание наказания являлось очень краткосрочным. Это обстоятельство не ускользнуло от внимания широких слоёв населения и, как это следует из многочисленных комментариев к Интернет-новостям, было

воспринято крайне негативно. Размеры и стоимость похищенного у государства, т.е. у народа, по сути, имущества, были настолько велики, что такого рода реакция носителей обыденного (народного) правосознания не могла быть непредсказуемой, а сам факт не добавляет авторитета судебной и правоохранительной системе в глазах населения страны. Между тем, использование каких-то других юридических процедур, например, права помилования осуждённого президентом, могло бы смягчить и достаточно суровое наказание в форме лишения свободы на длительный срок, и оставить более благоприятное впечатление о себе в обществе, и вообще избежать привлечения внимания общественного мнения к финалу истории «Оборонсервиса».

Таким образом, имеет место быть достаточно развитая, многоступенчатая и сложная система взаимосвязей между юридической ответственностью за правонарушение и обыденным правосознанием. Грани соприкосновения этих явлений представляют собой значимые для ответственности узловые пункты, игнорирование которых ставит под вопрос само её существование в реальной жизни (а не только «на бумаге»). В случае же разумного учета особенностей обыденного, народного правосознания общества, в

котором предполагается применение инструментария юридической ответственности, увеличиваются шансы на повышение эффективности функционирования этого социально-правового феномена.

Обыденное правосознание – весьма своеобразное явление социальной действительности, в меньшей степени поддающееся внешнему государственно-правовому контролю, но при этом способное оказать принципиальное влияние на реализацию правовых предписаний. Субъекты правотворчества и правоприменения должны учитывать состояние, структуру, динамику этого правосознания при формулировании своих законодательных и правоприменительных решений, его особенности в том или ином отдельно взятом обществе, и только в этом случае можно говорить об эффективности юридической ответственности в частности и права в целом. Адресатом правовых норм выступают не законодательные органы, не органы управления и суда, и даже не корпорация юристов, а население страны в целом, а значит, эти нормы должны быть адекватны их восприятию соответствующим обществом. В противном случае появятся основания говорить о провале юридической регулятивной миссии в этом обществе на том или ином этапе его исторического развития.

Библиография:

1. Теория государства и права: учебник для вузов / Отв. ред. В.Д. Перевалов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2005. С. 210-211, 206.
2. Теория государства и права: курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 220, 213-214.
3. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / Под ред. проф. Л.И. Скворцова. 27-е изд., испр. М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и образование». 2010. С. 663-664.
4. Поляков А.В. Общая теория права. Курс лекций. СПб., 2001. С. 263.
5. Вопленко Н.Н. Правосознание и правовая культура: уч. пособие. Волгоград, 2000. С. 13.
6. Щедрин О.Г. Этнические особенности русского правосознания: дисс... канд. юрид. наук: 12.00.01 / О.Г. Щедрин. Ростов-н/Д, 2004. С. 13-14.
7. Правосознание российского общества: типологическая характеристика: коллективная монография / Под ред. В.В. Сорокина и А.А. Васильева. Барнаул, 2013. С. 18.
8. Демченко Т.И. Правовое сознание в древнерусской и российской государственно-правовой жизни: монография. М., 2013. С. 85.
9. Малахов В.П. Философия права. Идеи и предположения: уч. пособие. М., 2012. С. 148.
10. Сорокин В.В. Теория государства и права переходного периода: учебник. Барнаул: ООО «Алтайский полиграфический комбинат», 2007. С. 364-365.
11. Достоевский Ф.М. Дневник писателя: Книга очерков. М.: Эксмо, 2007. С. 186-218.
12. Куликов Е.А. Принцип правовой экономии как одно из ведущих проявлений категории «мера» в правовой системе общества // Правовая система общества: преемственность и модернизация: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Барнаул, 4-5 октября 2012 г. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. С. 24-27.
13. Мальцев В.В. Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2004. С. 73, 76-77.
14. Концепция правового воспитания Российского общества: коллективная монография / Под ред. В.В. Сорокина и А.А. Васильева. Барнаул: АЗБУКА, 2014. 272 с.
15. Липинский Д.А., Станкин А.Н. О роли решений Конституционного Суда в формировании системы конституционной ответственности // Юридические исследования. 2016. № 10. С. 50-62. DOI: 10.7256/2409-7136.2016.10.19460. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_19460.html

16. Абдулгалимов Р.З., Сунцов А.П. Юридическая ответственность общественных объединений как субъекта управления делами государства. // Административное и муниципальное право. 2014. № 8. С. 807 – 813. DOI: 10.7256/1999-2807.2014.8.12358.
17. Астанин Г.В. Административная ответственность арбитражных управляющих по законодательству РФ и Украины: сравнительный анализ // Административное и муниципальное право. 2013. № 7. С. 753 – 757. DOI: 10.7256/1999-2807.2013.7.9038.
18. Миндагулов А.Х. О проекте новой редакции Уголовного кодекса Республики Казахстан // Союз криминалистов и криминологов. 2013. № 1. С. 70-76.
19. Фролов В.А. Юридические конструкции реализации запретов и ограничений при ввозе или вывозе через таможенную границу Таможенного Союза // Административное и муниципальное право. 2014. № 11. С. 1154-1159. DOI: 10.7256/1999-2807.2014.11.12500.
20. Разгильдиева М.Б. Теоретические проблемы бюджетно-правовой ответственности // Финансовое право и управление. 2013. № 2. С. 102-118. DOI: 10.7256/2310-0508.2013.2.9876.
21. Кашкина Е.В. Административный надзор органов внутренних дел за лицами, освобожденными из мест лишения свободы // Полицейская деятельность. 2011. № 5. С. 25-29.
22. Молчанов А.А. К вопросу о необходимости совершенствования законодательства об административной ответственности в таможенной сфере // Административное и муниципальное право. 2011. № 3. С. 67-70.
23. Липинский Д.А., Мусаткина А.А. Общественная опасность правонарушения в научных и законодательных определениях России и зарубежных стран // Вопросы безопасности. 2015. № 3. С. 24-44. DOI: 10.7256/2409-7543.2015.3.15941. URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_15941.html
24. Остроушко А.В., Букалеров А.А. О необходимости совершенствования нормативной базы сферы информационной безопасности детей // Полицейская деятельность. 2016. № 2. С. 218-226. DOI: 10.7256/2222-1964.2016.2.18077.
25. Дресвянникова Е.А. Об эффективности реализации административного законодательства в области обеспечения безопасности дорожного движения. // Юридические исследования. 2015. № 8. С. 48-75. DOI: 10.7256/2409-7136.2015.8.15591. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_15591.html
26. Липинский Д.А. Social Bases of Positive Responsibility // SENTENTIA. European Journal of Humanities and Social Sciences. 2015. № 3. С. 41-69. DOI: 10.7256/1339-3057.2015.3.16009. URL: http://www.e-notabene.ru/psen/article_16009.html
27. Липинский Д.А. Функции административной ответственности // NB: Административное право и практика администрирования. 2015. № 3. С. 63-93. DOI: 10.7256/2306-9945.2015.3.15975. URL: http://www.e-notabene.ru/al/article_15975.html
28. Кретов В.В., Севрюгин В.Е. О необходимости установления административной ответственности за правонарушения в области дорожного хозяйства Российской Федерации // Административное и муниципальное право. 2015. № 4. С. 380 – 387. DOI: 10.7256/1999-2807.2015.4.14614.
29. Байтеряков Р.Э. О возможности введения уголовной ответственности юридических лиц (на примере крупнейших налогоплательщиков) // Финансовое право и управление. 2015. № 2. С. 231-234. DOI: 10.7256/2310-0508.2015.2.15778.
30. Гуляхин В.Н. Правовая культура как объект научного исследования: методологические подходы, структура и критерии оценки // Юридические исследования. 2013. № 4. С. 135-158. DOI: 10.7256/2409-7136.2013.4.635. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_635.html
31. Башкирова Н.Н. Этические основы возникновения налоговых рисков государства // Налоги и налогообложение. 2013. № 9. С. 705-713. DOI: 10.7256/1812-8688.2013.9.9672.
32. Рамазанов Р.У. Запреты и ограничения для государственных гражданских и муниципальных служащих как эффективный способ противодействия коррупции // Политика и Общество. 2012. № 1. С. 38-43.
33. Сизов И.Ю. Проблемы информационного обеспечения деятельности органов внутренних дел при противодействии миграционной преступности // Полицейская деятельность. 2012. № 1. С. 26-30.
34. Нобель А.Р. Материально-правовое и процессуальное значение характеристик события административного правонарушения как одного из обстоятельств, входящих в предмет доказывания по делам об административных правонарушениях (на примере дел в области охраны окружающей среды) // Административное и муниципальное право. 2014. № 1. С. 25-29. DOI: 10.7256/1999-2807.2014.1.9884.

References (transliterated):

1. Ozhegov S.I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: ok. 100 000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazhenii / Pod red. prof. L.I. Skvortsova. 27-e izd., ispr. M.: OOO «Izdatel'stvo Oniks»: OOO «Izdatel'stvo «Mir i obrazovanie». 2010. S. 663-664.
2. Polyakov A.V. Obshchaya teoriya prava. Kurs lektsii. SPb., 2001. S. 263.
3. Voplenko N.N. Pravosoznanie i pravovaya kul'tura: uch. posobie. Volgograd, 2000. S. 13.
4. Shchedrin O.G. Etnicheskie osobennosti russkogo pravosoznaniya: diss... kand. jurid. nauk: 12.00.01 / O.G. Shchedrin. Rostov-n/D, 2004. S. 13-14.
5. Demchenko T.I. Pravovoe soznanie v drevnerusskoi i rossiiskoi gosudarstvenno-pravovoi zhizni: monografiya. M., 2013. S. 85.
6. Malakhov V.P. Filosofiya prava. Idei i predpolozheniya: uch. posobie. M., 2012. S. 148.
7. Sorokin V.V. Teoriya gosudarstva i prava perekhodnogo perioda: uchebnik. Barnaul: OOO «Altaiiskii poligraficheskii kombinat», 2007. S. 364-365.
8. Dostoevskii F.M. Dnevnik pisatelya: Kniga ocherkov. M.: Eksmo, 2007. S. 186-218.

9. Kulikov E.A. Printsip pravovoi ekonomii kak odno iz vedushchikh proyavlenii kategorii «mera» v pravovoi sisteme obshchestva // Pravovaya sistema obshchestva: preemstvennost' i modernizatsiya: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Barnaul, 4-5 oktyabrya 2012 g. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2013. S. 24-27.
10. Mal'tsev V.V. Printsipy ugovolnogo prava i ikh realizatsiya v pravoprimeritel'noi deyatel'nosti. SPb.: Yuridicheskii tsentr «Press», 2004. S. 73, 76-77.
11. Lipinskii D.A., Stankin A.N. O roli reshenii Konstitutsionnogo Suda v formirovanii sistemy konstitutsionnoi otvetstvennosti // Yuridicheskie issledovaniya. 2016. № 10. С. 50-62. DOI: 10.7256/2409-7136.2016.10.19460. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_19460.html
12. Abdugaliyev R.Z., Suntsov A.P. Yuridicheskaya otvetstvennost' obshchestvennykh ob'edinenii kak sub'ekta upravleniya delami gosudarstva. // Administrativnoe i munitsipal'noe pravo. 2014. № 8. С. 807 – 813. DOI: 10.7256/1999-2807.2014.8.12358.
13. Astanin G.V. Administrativnaya otvetstvennost' arbitrazhnykh upravlyayushchikh po zakonodatel'stvu RF i Ukrainy: sravnitel'nyi analiz // Administrativnoe i munitsipal'noe pravo. 2013. № 7. С. 753 – 757. DOI: 10.7256/1999-2807.2013.7.9038.
14. Mindagulov A.Kh. O proekte novoi redaktsii Ugolovnogo kodeksa Respubliki Kazakhstan // Soyuz kriminalistov i kriminologov. 2013. № 1. С. 70-76.
15. Frolov V.A. Yuridicheskie konstruksii realizatsii zapretov i ogranichenii pri vvoze ili vyvoze cherez tamozhennuyu granitsu Tamozhennogo Soyuza // Administrativnoe i munitsipal'noe pravo. 2014. № 11. С. 1154-1159. DOI: 10.7256/1999-2807.2014.11.12500.
16. Razgil'dieva M.B. Teoreticheskie problemy byudzhethno-pravovoi otvetstvennosti // Finansovoe pravo i upravlenie. 2013. № 2. С. 102-118. DOI: 10.7256/2310-0508.2013.2.9876.
17. Kashkina E.V. Administrativnyi nadzor organov vnutrennikh del za litsami, osvobodzhennymi iz mest lisheniya svobody // Politseiskaya deyatel'nost'. 2011. № 5. С. 25-29.
18. Molchanov A.A. K voprosu o neobkhodimosti sovershenstvovaniya zakonodatel'stva ob administrativnoi otvetstvennosti v tamozhennoi sfere // Administrativnoe i munitsipal'noe pravo. 2011. № 3. С. 67-70.
19. Lipinskii D.A., Musatkina A.A. Obshchestvennaya opasnost' pravonarusheniya v nauchnykh i zakonodatel'nykh opredeleniyakh Rossii i zarubezhnykh stran // Voprosy bezopasnosti. 2015. № 3. С. 24-44. DOI: 10.7256/2409-7543.2015.3.15941. URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_15941.html
20. Ostroushko A.V., Bukalero A.A. O neobkhodimosti sovershenstvovaniya normativnoi bazy sfery informatsionnoi bezopasnosti detei // Politseiskaya deyatel'nost'. 2016. № 2. С. 218-226. DOI: 10.7256/2222-1964.2016.2.18077.
21. Dresvyannikova E.A. Ob effektivnosti realizatsii administrativnogo zakonodatel'stva v oblasti obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya. // Yuridicheskie issledovaniya. 2015. № 8. С. 48-75. DOI: 10.7256/2409-7136.2015.8.15591. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_15591.html
22. Lipinskii D.A. Social Bases of Positive Responsibility // SENTENTIA. European Journal of Humanities and Social Sciences. 2015. № 3. С. 41-69. DOI: 10.7256/1339-3057.2015.3.16009. URL: http://www.e-notabene.ru/psen/article_16009.html
23. Lipinskii D.A. Funktsii administrativnoi otvetstvennosti // NB: Administrativnoe pravo i praktika administrirovaniya. 2015. № 3. С. 63-93. DOI: 10.7256/2306-9945.2015.3.15975. URL: http://www.e-notabene.ru/al/article_15975.html
24. Kretov V.V., Sevryugin V.E. O neobkhodimosti ustanovleniya administrativnoi otvetstvennosti za pravonarusheniya v oblasti dorozhnogo khozyaistva Rossiiskoi Federatsii // Administrativnoe i munitsipal'noe pravo. 2015. № 4. С. 380 – 387. DOI: 10.7256/1999-2807.2015.4.14614.
25. Baiteryakov R.E. O vozmozhnosti vvedeniya ugovolnoi otvetstvennosti yuridicheskikh lits (na primere krupneishikh nalogoplatel'shchikov) // Finansovoe pravo i upravlenie. 2015. № 2. С. 231-234. DOI: 10.7256/2310-0508.2015.2.15778.
26. Gulyaikhin V.N. Pravovaya kul'tura kak ob'ekt nauchnogo issledovaniya: metodologicheskie podkhody, struktura i kriterii otsenki // Yuridicheskie issledovaniya. 2013. № 4. С. 135-158. DOI: 10.7256/2409-7136.2013.4.635. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_635.html
27. Bashkirova N.N. Eticheskie osnovy vozniknoveniya nalogovykh riskov gosudarstva // Nalogi i nalogooblozhenie. 2013. № 9. С. 705-713. DOI: 10.7256/1812-8688.2013.9.9672.
28. Ramazanov R.U. Zaprety i ogranicheniya dlya gosudarstvennykh grazhdanskikh i munitsipal'nykh sluzhashchikh kak effektivnyi sposob protivodeistviya korruptsii // Politika i Obshchestvo. 2012. № 1. С. 38-43.
29. Sizov I.Yu. Problemy informatsionnogo obespecheniya deyatel'nosti organov vnutrennikh del pri protivodeistvii migratsionnoi prestupnosti // Politseiskaya deyatel'nost'. 2012. № 1. С. 26-30.
30. Nobel' A.R. Material'no-pravovoe i protsessual'noe znachenie kharakteristik sobytiya administrativnogo pravonarusheniya kak odnogo iz obstoyatel'stv, vkhodyashchikh v predmet dokazyvaniya po delam ob administrativnykh pravonarusheniyakh (na primere del v oblasti okhrany okruzhayushchei sredy) // Administrativnoe i munitsipal'noe pravo. 2014. № 1. С. 25-29. DOI: 10.7256/1999-2807.2014.1.9884.